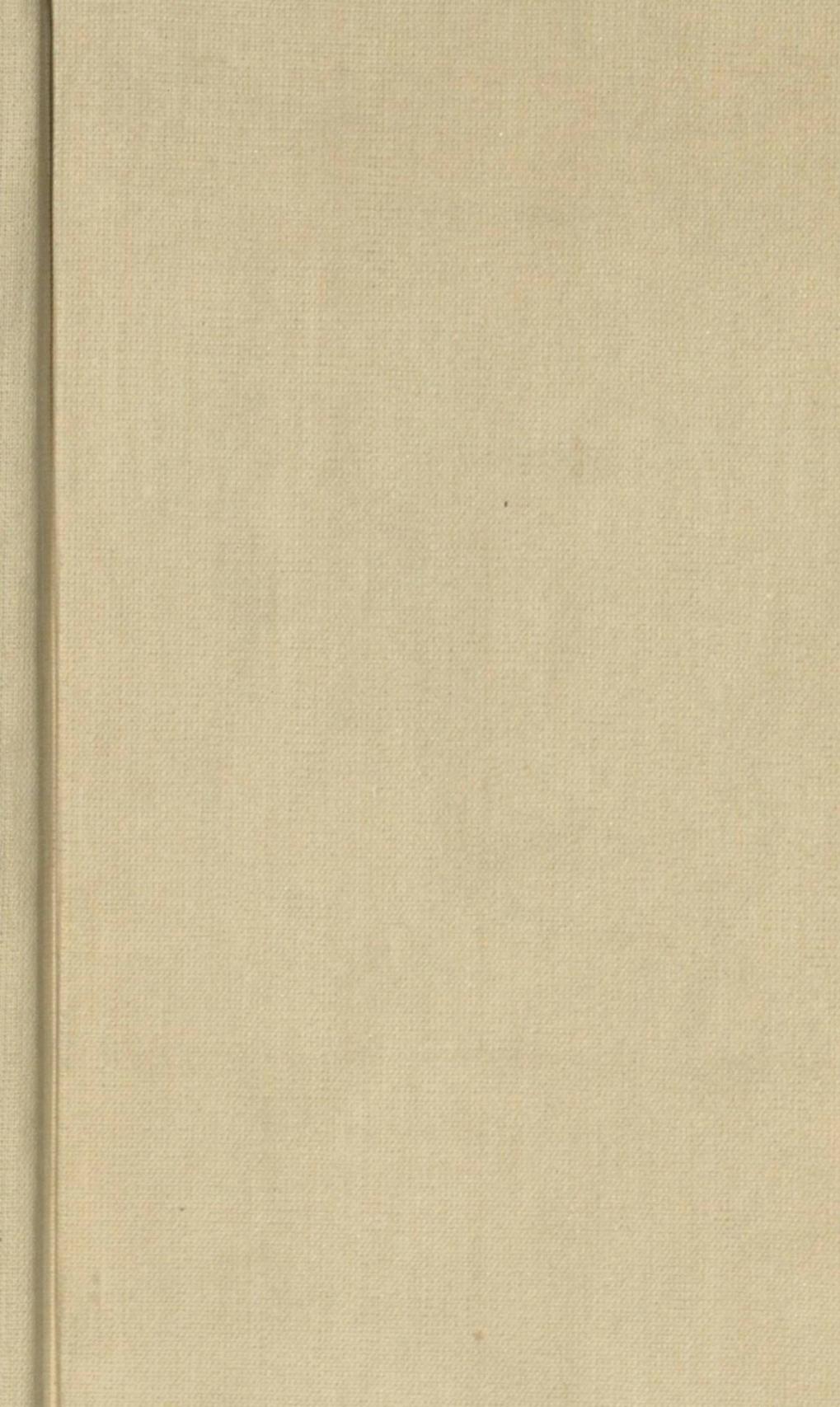

83.3P5-8
N 26

39735.

83.ЗРБ-2
Киб

Н. Н. Игнитовъ.

Бесѣды о русской литературѣ.

Вып. VI.

Тургеневъ.

Цѣна 90 к.

МОСКВА.—1918.

1955 г.

ПРОВЕРЕН 2009

нр 447

1982 г.

ПРОВЕРЕНО 2014

1972 г.

ПРОВЕРЕНО

Бесѣды о русской литературѣ.

Вып. I. Что такое литература и зачѣмъ она нужна.

- II. Какъ и почему пишутъ поэты.—Ломоносовъ и другие писатели XVIII столѣтія.
- III. Карамзинъ.—Жуковскій.
- IV. Пушкинъ.
- V. Лермонтовъ.—Гоголь.
- VI. Тургеневъ.
- VII. Толстой.
- VIII. Достоевскій:
- IX. Писатели-народники.

39435

ЧИТАЛЬНЯ
имени
ТУРГЕНЕВА

191—АТЛАС

ФОНД № 146 КНИГИ
ТУРГЕНЕВА

дата 60 к.
Фонд № 146

ти начали възникать възможности для писателя, а възможности для читателя. И это было не зря. Альбон-Левицкий, автор замѣток о книжномъ магазинѣ, Полонскій о библиотекѣ французской слово, а также и саміи Пушкинъ и Гоголь, изложили въ своемъ изданіи мнѣніе, что писатель и читатель должны быть близкими людьми, и что писатель не можетъ писать для читателей, если не будетъ знать ихъ. И это мнѣніе было вѣрно. Извѣстно, что писатели не могутъ писать для читателей, если не будутъ знать ихъ.

178
Пушкинъ и Гоголь пріучили русскаго писателя и русскаго читателя ко многому, что до нихъ ему не было известно. Всматривайся, — говорили они писателю, — въ дѣйствительную жизнь. Бери изъ нея матеріалъ для своихъ произведеній. Дѣйствительныя чувства людей, ихъ настоящія мысли, истинныя ихъ души должны быть для тебя открыты, и черезъ тебя должны они открыться читателямъ. А этимъ послѣднимъ, т. е. читателямъ, Пушкинъ и Гоголь говорили: Не воображайте, будто выдуманное, невѣроятное, сплошь сочиненное и совсѣмъ непохожее на жизнь интереснѣе, чѣмъ хорошо изображенная жизнь. Въ самой обыкновенной дѣйствительности писатель можетъ найти интересное и новое; въ самомъ мелкомъ и незначительномъ существованіи онъ различить важное, и познакомить вѣсъ съ нимъ. Своими произведеніями Пушкинъ и Гоголь показали, какъ писатели могутъ извлекать изъ обыкновенной жизни интересное, важное и новое для читателей.

Послѣ Пушкина и Гоголя читателямъ уже не казалось страннымъ, что литература можетъ говорить о русской жизни и о русскихъ людяхъ, не мѣняя ихъ, а представляя такими, каковы они въ дѣйствительности. Этими представленными русскими людьми читатели уже привыкли интересоваться. И, обратно, они привыкли различать въ жизни то, чему научились въ литературѣ. Благодаря литературѣ нашли читатели въ жизни тѣхъ Чичиковыхъ и Собакевичей, о которыхъ прочитали у Гоголя; благодаря литературѣ стали многие читатели разбираться въ сложной путаницѣ человѣческихъ характеровъ, желаній, людскихъ отношеній. Началась оценка людей по сходству ихъ съ лицами, встрѣчающимися въ

литературныхъ произведеніяхъ; началось большее углубленіе въ жизнь, лучшее ея пониманіе. И все потому, что свои изображенія дѣйствительной жизни, дѣйствительныхъ характеровъ, дѣйствительныхъ чувствъ Пушкинъ и Гоголь сдѣлали необыкновенно интересными для читателя. Красота и занимательность рассказываемаго захватывали при чтеніи; дѣйствительная жизнь въ литературѣ казалась интереснѣе, чѣмъ выдуманныя похожденія какихъ-то лицъ, не имѣющихъ никакого сходства съ настоящимъ.

Дѣло Пушкина и Гоголя продолжалось послѣ нихъ. Явились писатели замѣчательнаго дарованія, которые свой даръ наблюдалъ и свое умѣніе изображать направляли на изслѣдованіе дѣйствительнаго человѣка. Они занимались русской жизнью, наблюдали ее, сами учились на ней, старались на ней познать правду; въ своихъ стремленіяхъ къ правдѣ страдали, мучились и этими своими страданіями и мученіями заражали читателей. Трудно было противодѣйствовать ихъ заразительному вліянію. Благодаря ихъ твореніямъ читатели задумывались надъ вопросами, до тѣхъ поръ чуждыми имъ; жизнь становилась для читателей болѣе сложной; открывались стороны совершенно неизвѣстныя до тѣхъ поръ. И въ этихъ мученіяхъ, и въ этихъ мысляхъ о жизни, и въ этихъ желаніяхъ лучшаго, во всемъ изображаемомъ великими писателями читатели находили особое наслажденіе, извѣстное только людямъ, полюбившимъ литературу и увлекающимся ею.

Между писателями, писавшими послѣ Пушкина и Гоголя и пошедшими по тому пути, который проложили они, особенно богатое дарованіе, особенно важное значеніе имѣли трое: Тургеневъ, Толстой, Достоевскій. О нихъ мы разскажемъ въ этомъ и въ слѣдующихъ выпускахъ.

где-то спрятаны или уничтожены, ибо он не знает, где
они находятся, и, будучи вынужден вспоминать о них, он
вспоминает о том, что не знает, и это, конечно, очень
занудно. А между тем, если бы он знал, что же это, то это
было бы интересно, и это было бы интересно, и это было бы
интересно, и это было бы интересно, и это было бы

О жизни Ивана Сергеевича Тургенева (родился въ 1818 году, ум. въ 1883 г.) много раз рассказывать нечего. Не было въ ней по
внѣшности ничего особенно интереснаго. Но по внутреннему со-
держанию она представляла замѣчательный интересъ. Она пора-
жала богатствомъ мыслей, интересомъ къ жизни, многочислен-
ностью наблюдений, силой душевнаго стремленія. Со всемъ этимъ
Тургеневъ познакомилъ насть въ своихъ произведеніяхъ. Изъ нихъ
мы узнали, какою представлялась ему жизнь, какъ вліяли на него
жизненные наблюденія.

Ежедневныя жизненные события, ежедневные встречи мелькаютъ
въ жизни обыкновенныхъ людей, почти не оставляя слѣда. Мы
встрѣчаемъ незнакомаго человѣка, пѣсколько минутъ случайно
говоримъ съ нимъ и забываемъ. Что интереснаго въ немъ для
насть? Почему намъ надо запомнить, какъ онъ говорить или хо-
дить? Зачѣмъ стараться проникнуть въ его душу и узнать, что въ
ней происходитъ? Мелькаютъ лица, проходятъ незамѣтными фи-
гурами, но душевная жизнь наша остается свободной и отъ этихъ
лицъ, и отъ этихъ фигуръ, если, конечно, съ ними не связано
наше благосостояніе.

Не то въ душѣ писателя. Встрѣча, оставшаяся безъ вліянія
на насть, возбудила въ немъ особенную душевную работу. Въ чемъ
она, эта работа? Запомнились движенія незнакомаго человѣка, вы-
раженіе лица, манера говорить, залегло въ памяти какое-нибудь
замѣчаніе,—соединились эти внѣшнія черты человѣка съ обстоя-
тельствами встречи, — и изъ всего этого внѣшняго, наружнаго,
вдругъ обозначилась душа этого человѣка, его внутреннее содер-
жаніе. Ясно представилось, какъ долженъ чувствовать и поступать

этотъ человѣкъ, если онъ полюбитъ женщину или потеряетъ близкаго человѣка, или будетъ вовлеченъ въ какое-нибудь большое практическое дѣло. Вся жизнь этого человѣка, весь его душевый міръ представились писателю, — и изъ мимолетной встрѣчи уже составилась завязка для будущаго литературнаго произведенія.

Представьте, что мы съ вами открываемъ какую-то книгу, которая очевидно давно никѣмъ не бралась въ руки. Открываемъ книгу и находимъ въ ней старый засохшій цветокъ. Ни особыхъ мыслей, ни недоумѣнія цветокъ въ насъ не вызываетъ. Мы увидали его и забыли. Но ту же самую книгу, допустимъ, открываетъ поэтъ, такой, какъ Пушкинъ. И вотъ въ душѣ его уже началась работа. Одинъ видъ забытаго, засохшаго цветка въ книжѣ вызвалъ въ немъ рядъ вопросовъ, рядъ представлений о чьей-то жизни, о чьихъ-то чувствахъ, о чёмъ-то, что связано съ этимъ цветкомъ.

И вотъ у Пушкина возникаютъ стихи:

Цвѣтокъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книжѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моей:
Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
И долго ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?
На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цветокъ?

Или вотъ Лермонтовъ входить въ чужую комнату, видѣть положенную около иконы и креста пальмовую вѣтвь, «вѣтку Палестины», и въ головѣ его поднимается такой же рядъ вопросовъ, который беспокоилъ Пушкина при видѣ забытаго въ книжѣ цветка:

Скажи мнъ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла,
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водь ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдае сыны?.. и т. д.

Вотъ такую же душевную работу переживалъ Тургеневъ; такой же рядъ вопросовъ поднимался передъ нимъ при встрѣчахъ съ незнакомыми людьми, какой задавали себѣ Пушкинъ и Лермонтовъ при взглядѣ на цвѣтокъ въ книжѣ или на пальмовую вѣтвь передъ иконой. Нуженъ ничтожный поводъ для того, чтобы душа поэта отзывалась своей особой творческой работой. Что дала бы, напримѣръ, обыкновенному городскому жителю встрѣча съ деревенскими мальчиками, сторожившими въ «ночномъ» лошадей? Можетъ-быть, было бы любопытно поглядѣть на нихъ, послушать, что они говорятъ; было бы, можетъ-быть, пріятно вспомнить о томъ, какъ прошла ночь подъ чистымъ небомъ, въ необычной обстановкѣ. Но вотъ съ такими мальчиками, во время одной изъ своихъ охотничихъ прогулокъ, встрѣтился Тургеневъ. Онъ слышалъ ихъ разговоры, видѣлъ ихъ освѣщенныя костромъ лица, вмѣстѣ съ ними смотрѣлъ на звѣзды,—и душа каждого мальчика, и все они вмѣстѣ, и связь ихъ съ природой ясно представились ему. Онъ увидалъ, что за этой ничего не говорящей виѣшностью деревенскихъ дѣтей скрывается чрезвычайно интересная, необыкновенно привлекательная внутренняя жизнь. Каждый изъ нихъ, живя съ природой и съ людьми, по-своему чувствуетъ и объясняетъ ихъ. И въ этомъ чувствѣ, и въ этихъ объясненіяхъ таится красота,—такая же красота, которую хранитъ въ своихъ чувствахъ и въ своихъ объясненіяхъ природы и людей выдающейся поэтъ. Прочтите «Бѣжинъ лугъ», прочтите не бѣгло, не такъ, какъ читали, можетъ-быть, въ школѣ, встрѣтивъ этотъ разсказъ въ хрестоматіи, а

внимательно, вглядываясь въ каждое лицо, какъ бы впитывая въ себя волшебную таинственность той ночи и тѣхъ дѣтскихъ разсказовъ. Вы увидите тогда, что у каждого мальчика, въ тургеневскомъ описаніи,—свое лицо, свой характеръ, свой разговоръ. Есть благородные, смѣлые, рѣшительные; есть болѣе трусливые, болѣзниенные, робкіе; есть довѣряющіеся только себѣ, своему умѣнью; есть, по природѣ своей, подчиняющіеся другимъ. И всѣ они, какъ бы различны ни были ихъ характеры, чувствуютъ и въ природѣ, и въ людяхъ какую-то таинственность, что-то необъяснимое, и вмѣстѣ съ тѣмъ заманчивое и привлекательное. Всѣ они испытываютъ отъ близости къ природѣ, къ ея тайнамъ, то жуткое наслажденіе, которое испытываетъ поэтъ, приступающей къ творчеству; всѣ они, слѣдовательно, поэтически настроены.

Вотъ что дала Тургеневу встрѣча съ деревенскими мальчиками. Вотъ какую душевную работу она вызвала въ немъ. Для того, чтобы такъ отозваться на быстро мелькнувшія впечатлѣнія отъ недолгой встрѣчи, надо въ душѣ своей носить неисчислимыя богатства чувствительности, наблюдательности, вдумчивости. Нельзя достичнуть въ такомъ совершенствѣ чужое поэтическое вдохновеніе, не нося его въ себѣ.

Тургеневъ не сразу открылъ въ себѣ это вдохновеніе. Ни дѣтство, ни юность его не говорили о томъ, что изъ него выйдетъ писатель, могущій тѣкъ сильно влиять на современниковъ.

Не очень весело прошло его дѣтство; не слишкомъ отрадна была его ранняя юность. И не потому, чтобы его семья чего-нибудь не доставало; не потому, чтобы бѣдность и лишенія окружали его. Нѣть, семья была обеспечена, даже богата; Тургеневы не нуждались ни въ чемъ, имѣли все въ изобиліи. Но въ самой семье были нелады въ отношенияхъ. Отецъ Тургенева не любилъ своей жены; мать Тургенева боялась мужа и въ то же время не давала ему покоя своей ревностью. Рано Тургеневъ потерялъ отца, и тогда въ домѣ начался настоящій адъ. Оставшаяся полной властительницей всего имѣнія, мать Тургенева никому не давала покоя. Она преслѣдовала дѣтей, бранила и наказывала прислугу, угнетала крестьянъ. Изъ напечатанной недавно переписки ея съ сыновьями видно, что это была очень умная женщина, обладавшая несомнѣннымъ литературнымъ даромъ. Но, болѣзниенная и раздражительная,

она стала предметомъ ужаса и злобы для всѣхъ домашнихъ. Ея болились и ее ненавидѣли.

Уже по одному тому, что видѣль дома Тургеневъ, онъ долженъ быть возненавидѣть крѣпостное право. При немъ наказывали крестьянъ; онъ былъ свидѣтелемъ массы несправедливостей, совершившихся надъ дворовыми людьми взбалмошной и жестокой хозяйкой. И съ юности своей Тургеневъ далъ себѣ клятву посвятить силы свои дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Онъ сдержалъ слово: его «Записки охотника», какъ было уже указано въ первомъ выпускѣ этихъ бесѣдъ, имѣли огромное вліяніе на читателей, вызвали въ нихъ сочувствіе къ крестьянину и обращеніе къ такому закону, который дѣлаетъ одного человѣка рабомъ другого.

Въ очень ранней юности Тургеневъ поторопился оставить домъ. Онъ учился въ Москвѣ и въ Петербургѣ, окончилъ университетъ и затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ усердно занимался наукой за границей. Благодаря этимъ занятіямъ, благодаря тому, что страсть къ познанію не ослабѣвала въ немъ съ годами, онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. И только съ такой подготовкой предпринялъ онъ то дѣло, которое сдѣлало имя его знаменитымъ не въ одной Россіи.

Еще въ университетѣ началъ онъ пробовать свои силы въ писаніи литературныхъ произведеній, но настоящее призваніе ощущилъ въ себѣ уже много позднѣе, когда «Записки охотника» показали ему, на что онъ способенъ.

Что надо отмѣтить въ послѣдующей его жизни? Конечно, ему, какъ и многимъ другимъ русскимъ писателямъ, не удалось избѣгнуть преслѣдованій за свои сочиненія. Онъ былъ арестованъ послѣ того, какъ написалъ горячую статью о смерти Гоголя. Былъ затѣмъ сосланъ въ свое имѣніе и черезъ два года освобожденъ. Большую часть времени онъ проволилъ потомъ за границей, лишь изрѣдка и не надолго приѣзжа въ Россію; слишкомъ ужъ тяжела казалась ему русская жизнь, слишкомъ далеко расходилась она съ его мыслями о лучшемъ государственномъ устройствѣ и болѣе счастливомъ человѣческомъ общежитіи. Но писать онъ продолжалъ, и произведенія его возбуждали восторгъ однихъ, негодованіе дру-

иатъ, смотря по тому, кто ихъ читалъ. Но безслѣдно, незамѣтно не могли они проходить, не только потому, что они были отмѣчены его удивительнымъ талантомъ, но и потому, что они говорили о предметахъ, всѣмъ близкихъ и всѣхъ интересующихъ.

2.

О чёмъ же говорили его разсказы, романы и повѣсти?

Тургеневъ пошель по литературному пути, указанному Пушкинъмъ и Гоголемъ. Онъ описывалъ дѣйствительную жизнь, настоящіе русскіе характеры, истинныя, не сочиненные чувства,— онъ дѣлалъ то, чёму учили Пушкинъ и Гоголь. Но посмотрите, какая огромная разница между ними! Вы припоминаете, какою представлялась Россія Гоголю, какъ удрученъ былъ Пушкинъ, слушая чтеніе «Мертвыхъ душъ». Гоголь изобразилъ намъ дурные чувства въ человѣкѣ, показалъ паденіе человѣка вслѣдствіе утраты имъ того душевнаго благородства, которое одно отличаетъ человѣка отъ животнаго. Тургеневъ былъ занятъ другимъ.

Чтобъ бы вы ни читали изъ Тургенева,—«Записки охотника» ли, большиe ли романы,—«Наканунѣ», «Дворянское гнѣздо», «Рудинъ»,— болѣе ли мелкіе—разсказы, «Первая любовь», «Ася», «Затишье», «Постоялый дворъ»,— вы видите особый интересъ Тургенева къ одной сторонѣ духовной жизни человѣка. Или, вѣриѣ, не къ одной сторонѣ, а къ одному моменту жизни человѣка. Бывають въ жизни каждого изъ насъ такія минуты, когда все наше существо какъ бы вдругъ всколыхнулось, какъ-будто все въ немъ насторожилось, душа напряглась и проявила всѣ свои силы. Велики или малы эти силы, хороша или плоха душа, что въ ней скрыто, все скажется въ эти минуты. Именно ихъ-то, именно эти минуты въ жизни людей главнымъ образомъ выбиралъ и описывалъ Тургеневъ. Онъ смотрѣлъ на самыхъ обыкновенныхъ людей, изображалъ, напримѣръ, твердо установленную помѣщичью или крестьянскую жизнь. Какъ будто не было отличія съ описаніями русской жизни въ пушкинскихъ «Повѣстяхъ Бѣлкина» или въ «Капитанской дочкѣ». Но при наблюденіи этой жизни у Тургенева сейчасъ же поднимался вопросъ: а какъ измѣняются эти спокойныя лица, эта тихая жизнь, если въ комъ-либо изъ описываемыхъ лицъ

проснется сильное чувство? Будет ли это любовь мужчины къ женщинѣ, или женщины къ мужчинѣ, будетъ ли это желаніе какой-нибудь иной жизни, просто ли возбудится чувство тревоги,—но подъ вліяніемъ сильного чувства душа человѣка становится видѣемъ; яснѣ можно опредѣлить, въ комъ больше человѣчности, больше душевнаго богатства, больше той силы, которую обыкновенно называютъ силой нравственной. Тургеневъ изображалъ женщинъ и мужчинъ, молодыхъ девушки и девтей въ тѣ минуты, когда по-чому-либо ихъ душевная жизнь взволнована, обострена, напряжена.

Пропомните хотя бы девтей «Бѣжина луга», о которыхъ мы только что говорили. Мракъ ночи, близость рѣки, какие-то таинственные звуки, несущіеся изъ мрака, пугающіе разсказы,—все это дѣйствуетъ на души девтей, возбуждая ихъ. Каждый настороживается, каждый будто собираетъ всего себя и всего себя показываетъ. Вотъ этихъ-то насторожившихъ, встревоженныхъ девтей, въ душѣ которыхъ всколыхнулось и выплыло наружу то, что обыкновенно скрыто и едва замѣтно, Тургеневъ и описываетъ. И въ этомъ всколыхнутомъ душевномъ состояніи каждый мальчикъ обнаруживаетъ свою дѣйствительную сущность: онъ—человѣкъ, онъ—поэтъ, въ немъ—живое стремленіе постигнуть жизнь не въ однихъ только ежедневныхъ, суетныхъ, материальныхъ интересахъ.

Тургенева особенно интересуетъ такой дѣйствительный человѣкъ, человѣкъ, проявившій въ себѣ самое цѣнное, то, что его отличаетъ отъ животныхъ, что поднимаетъ его надъ заботой о своемъ благополучіи. Конечно, деревенскіе мальчики далеко не всегда таковы, какъ ихъ описалъ Тургеневъ въ ту памятную ночь. Конечно, они и бранятся, и дерутся, и творятъ многія простительныя и непростительныя баловства. Но это ихъ обычное существованіе Тургенева занимаетъ мало. Онъ выбираетъ минуты, когда они сбрасываютъ съ себя эту обыденную одежду и проявляются въ настоящемъ человѣческомъ образѣ. Въ эти минуты наиболѣе одаренные, сильные душой (напр., Павель) особенно привлекательны; въ эти минуты даже наиболѣе слабые и хилые могутъ поправиться изъ-за неожиданно проснувшаго въ нихъ поэтическаго чувства, которое поднимаетъ ихъ надъ обыкновенными ничтожными чувствами.

Тургенева интересуетъ, какъ мѣняется человѣкъ при неожи-
денныхъ обстоятельствахъ, какъ показываетъ онъ свою настоя-
щую сущность. Прочтите, напримѣръ, «Постоялый дворъ», — по-
вѣсть, написанную Тургеневымъ въ годы, когда онъ уже напи-
салъ много рассказовъ изъ «Записокъ охотника». Зажиточный
мужикъ Акимъ владѣлъ постоялымъ дворомъ. Была у него моло-
дая жена, Авдотья, которой приглянулся заѣзжій работникъ На-
умъ. Ловкий и хитрый, Наумъ воспользовался любовью Авдотьи,
чтобы прикармнить деньги Акима и отбить у него постоялый
дворъ. Наумъ сдѣлался хозяиномъ, Акимъ былъ разоренъ. Вотъ
и все содержаніе повѣсти. Посмотрите, какъ мѣняются, какъ вы-
сказываютъ себя разныя лица подъ вліяніемъ этого неожиданного
удара. Душа человѣка раскрывается тѣ минуты, когда рѣшается
важный вопросъ жизни.

Въ повѣсти четыре главныхъ лица: Акимъ, его жена Авдотья,
работникъ Наумъ и помѣщица Лизавета Прохоровна. Каждое изъ
нихъ по-своему отзыается на случившееся, но каждое проявля-
етъ себя полностью. Авдотья—молодая, бойкая женщина, безъ
всякой душевной силы, можно сказать, безъ всякаго душевнаго
содержанія. Никакого серьезнаго желанія, никакой думы о чѣмъ-
нибудь важномъ для жизни въ ней нѣтъ. Ее увлекаетъ Наумъ, и
она покорно отдаетъ ему свою любовь и Акимовы деньги. Какою
будетъ она, когда наступитъ катастрофа, когда вся прежняя
жизнь рушится и надо будетъ собрать свои силы для постройки
чего-то новаго? До сихъ поръ въ ней была бойкость и рѣзвость,
и казалось, что Авдотья живеть, что эта рѣзвость и есть жизнь.
Но наступаетъ страшная минута, — Наумъ завладѣлъ всѣмъ иму-
ществомъ Акима, Авдотья обманута, она—болѣе не хозяйка,—и
душевная пустота Авдотьи особенно рѣзко высказывается теперь;
бес силѣ настолько велико, что Авдотья готова просить о помощи
всякаго, — и Акима, котораго она обманула, и Наума, который ее
почти выгналъ.

Помѣщица Лизавета Прохоровна—тоже безъ всякой душевной
силы и безъ всякаго душевнаго управления. Ей непонятны по-
бужденія, которыя могутъ возникать въ душѣ человѣческой вѣ-
заботъ о пріобрѣтеніи денегъ. Что такое справедливость, что та-
кое вѣрность данному обѣщанію, она не соображаетъ. Акимъ ку-

пить землю на ея имя, но на свои деньги, будучи уверена, что земля — его, что между ними произошло соглашение, одинаково обязательное для обоихъ. Но то, что для Акима несомнѣно, для нея не такъ важно. Она чувствуетъ, что продать, землю принадлежащую въ действительности Акиму, а не ей, нечестно,—но получить деньги такъ соблазнительно, что она не можетъ устоять, и продаетъ чужое имущество, забирая деньги себѣ.

Рядомъ съ этими двумя слабыми женщинами—двоемъ сильныхъ мужчинъ. Наумъ силенъ, но онъ думаетъ только о материальномъ благополучіи, знаетъ только свою собственную денежную выгоду. Никакая жизненная напасть, никакія неожиданности, никакая тревога не вызовутъ въ немъ человѣческихъ чувствъ. Онъ — волкъ, жадный, жестокій, берущій свое всюду, гдѣ можно, никого и ничего не жалѣющій. Какая разница между нимъ и животнымъ? Никакой. Поэтому онъ всегда одинаковъ и ни къ какимъ уговорамъ, ни къ какимъ призывамъ, ни къ какимъ рѣчамъ, указывающимъ на необходимость человѣческихъ чувствъ, онъ не склоняется. И въ спокойныхъ, и въ тревожныхъ обстоятельствахъ онъ неизмѣненъ: ничто, никогда не вызоветъ въ немъ истинной человѣческой души.

Главное лицо—Акимъ. Это—сила, большая душевная сила. Въ тяжелыя времена крѣпостного права, когда крестьянину трудно было выбиться изъ условій зависимаго существованія, онъ нашелъ въ себѣ силы, чтобы понемногу, долгимъ терпѣніемъ, тяжкимъ трудомъ добиться независимаго положенія хозяина постоянаго двора. Когда труды долгихъ лѣтъ были уничтожены неожиданной измѣной Авдотьи, грабительствомъ Наума и обманомъ Лизаветы Прохоровны, что сдѣлалось съ Акимомъ? Опустилъ ли онъ руки, какъ Авдотья, или сдѣлался скопидомомъ и скрягою и сталъ накапливать безъ всякой опредѣленной цѣли, или просто сталъ пьяничкой и проводилъ дни и ночи въ кабакахъ, вымаливая у прохожихъ на рюмочку? Нѣтъ, сила у Акима большая. Послѣ нѣсколькихъ дней оплаканія, когда передъ имъ вдругъ провалилась вся его предыдущая жизнь, послѣ первыхъ попытокъ отмщенія, онъ остановился мыслью надъ тѣмъ, какъ жить дальше. И передъ нимъ предстала иная жизнь. Въ его богатой и сильной душѣ нашлись иные побужденія, заговорили другія

чувства. Мысли о своемъ углѣ, о своемъ благосостояніи, до сихъ поръ владѣвшія имъ и разрушенныя неожиданностью, отошли отъ него. Передъ нимъ предстала иная, богатая духовная жизнь. Въ ней онъ нашелъ успокоеніе и радость; ею сталъ жить и, можетъ-быть, ею стала болѣе богать, чѣмъ прежней жизнью зажиточного хозяина постоянаго двора.

Вотъ жизнь такихъ людей, какъ Акимъ,—душа сильная и богата помыслами, рѣшеніями, не связанными непремѣнно съ корыстью,—особенно интересовала Тургенева.

Въ первомъ выпускѣ этихъ бесѣдъ мы говорили о «Шѣвцахъ», —рассказѣ изъ «Записокъ охотника». Если вы читали этотъ разсказъ или если вы не забыли того, что говорилось о немъ въ первомъ выпускѣ, то вы припомните, что въ кабачкѣ, гдѣ происходило состязаніе между пѣвцами, собралось много народа, что всѣ эти люди въ обычныхъ условіяхъ не показались бы намъ чѣмъ-нибудь особенно замѣчательными. Но Тургеневъ наблюдалъ ихъ въ минуты высокаго душевнаго подъема, и всѣ перемѣнились. Надолго или нѣтъ, но въ душѣ каждого пробудилось влеченіе къ чему-то необыкновенному, каждый переживалъ возвышенная и счастливыя минуты наслажденія пѣснью. Можетъ-быть, это были самыя лучшія минуты въ теченіе всей жизни,—и вся душа преобразилась. Всего болѣе преобразился Яковъ, одинъ изъ пѣвцовъ человѣкъ, который въ ежедневной жизни не показался бы намъ лучше и выше другихъ.

Обыкновенные условія, ежедневная будничная жизнь не открываютъ намъ всего человѣка. Тургеневъ изображалъ обычную жизнь, но привлекали его въ ней главнымъ образомъ люди высокаго стремленія, люди, тянувшіеся, какъ говорится, къ свѣту. Сумеречной, сѣренѣйкой, во всякомъ случаѣ неяркой, не ослѣпительно свѣтлой казалась ему жизнь большинства людей. Тихо и незамѣтно жили, скорились изъ-за пустяковъ, пустяками утѣшались. Кругомъ была природа съ ея постоянными измѣненіями, красавая, привлекательная; но мало какъ-то сознательно воспринималась она этими людьми; они слабо чувствовали ее, лѣниво относились къ жизни и, довольные или недовольные, продолжали существовать, не желая никакихъ измѣненій. Это былъ какъ бы сонъ, спокойный и по-своему счастливый. Но Тургенева интересовалъ не онъ. Въ этой

мирной жизни, среди этой измѣчивающей и красивой природы, должны быть и красивыя души, рожденныя для другой, болѣе яркой жизни, снабженныя иными, болѣе захватывающими стремлѣніями. Эти души откроются намъ въ ту минуту, когда онъ увидать передъ собой что-то новое, какую-то, можетъ-быть, не совсѣмъ постѣжимую, но какушающую имъ необыкновенно красивою даль. Что-то свѣтлое, солнечное, блестящее откроется передъ ними въ жизни, и сами онъ повернутся къ намъ лучшей стороной своей души ^{она}. Вотъ эти-то минуты главнымъ образомъ и описывалъ Тургеневъ. Изображалъ онъ ихъ въ жизни мужчинъ (такихъ, напримѣръ, какъ Яковъ разсказа «Пѣвцы»), но особенно много и особенно хорошо, и съ особенной любовью въ жизни молодыхъ дѣвушекъ.

Много ихъ, много женскихъ характеровъ, много молодыхъ дѣвическихъ влечений изобразилъ Тургеневъ. По большей части расцвѣтъ въ жизни дѣвушки, пробужденіе лучшихъ свойствъ ея души совпадаетъ съ любовью къ мужчинѣ. Но въ тургеневскихъ молодыхъ дѣвушкахъ любовь къ мужчинѣ—не простое тяготѣніе одного молодого существа къ другому. Здѣсь именно расцвѣтъ душі, пробужденіе ея лучшихъ, благородиѣшихъ сторонъ. Тургеневская женщина или тургеневская дѣвушка не только любить мужчину за его вѣнчайшія свойства, но главнымъ образомъ за то, что въ немъ видѣть человѣка, высоко стоящаго надъ другими по своей нравственной силѣ. Въ романѣ «Наканунѣ» Елена полюбила Инсарова за то, что въ немъ и только въ немъ увидала человѣка, имѣющаго передъ собой важную жизненную цѣль,—освобожденіе родины,—и только въ немъ однѣмъ увидала непреклонную рѣшимость отдать себя всего этому дѣлу. Для тургеневской дѣвушки въ тотъ моментъ, когда писатель ее наблюдаетъ, т. е. въ минуты выѣшаго душевнаго подъема, не отдать себѣ цѣликомъ любимому дѣлу кажется невозможнымъ. Съ любовью къ мужчинѣ связана именно эта любовь къ великому дѣлу. Дѣвушка готова на подвиги, на лишенія, на то, чтобы отказаться отъ благъ, которыхъ даетъ ей семейная жизнь, даютъ богатство и положеніе въ обществѣ. Жертвуетъ собой Елена, жертвуетъ Маріанна въ «Нови», готова въ жертвамъ Наталья въ «Рудинѣ».

Остановимся на минуту подробнѣе на этомъ романѣ.

Тургеневъ разсказываетъ, какъ въ ломъ помѣщицы Дарьи Михайловны приѣзжаетъ новый человѣкъ. Всѣ живущіе въ домѣ и всѣ гости привыкли другъ къ другу, къ своему времяпрепровожденію, къ своимъ разговорамъ. Ничто особенно не нарушаетъ ихъ жизни; никакія беспокойства не тревожатъ ихъ сердца. Всѣ заняты своими ежедневными, мало беспокойными мыслями и соображеніями; немного спорять, немножко смытся, ждутъ завтрашняго дна, совсѣмъ похожаго на нынѣшній. Новый человѣкъ, Дмитрий Николаевичъ Рудинъ, непохожъ на нихъ. Онъ говорить слова, которыхъ не слышались въ этомъ домѣ и которыхъ способны взволновать молодое сердце, возбудить въ немъ ожиданіе новаго и хорошаго. Еще въ дни ранней молодости Рудинъ участвовалъ въ студенческихъ обществахъ, где важные вопросы жизни со страстью и горячностью обсуждались молодыми студентами. «Какъ вспомню я наши сходки,—разсказываетъ въ романѣ объ этомъ обществѣ товарищъ Рудина Лежневъ,—ну, ей Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы представьте: сошлись человѣкъ пять—шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается пресковерный и сухари къ нему старые-престарые; а посмотрѣли бы вы на все наши лица, послушали бы рѣчи наши. Въ глазахъ у каждого восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи... А ночь летить тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было) съ какой-то приятной усталостью на душѣ, и даже на звѣзды какъ-то довѣрчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали, и понятнѣе...»

Вотъ эту молодую горячность, эту жажду разрѣшить важнѣйшіе вопросы человѣческаго существованія,—вопросы «о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи»,—вотъ эту жажду Рудинъ сохранилъ и въ зрѣломъ возрастѣ, и высказывалъ въ рѣчахъ, произносившихся въ домѣ Дарьи Михайловны. Сердца молодыхъ дрожали отъ восторга. Дочь Дарьи Михайловны Наталья была взволнована новизной мыслей и чувствъ. Вся жизнь представлялась ей иной. Она не могла еще разобраться въ этой новизнѣ, но ей казалось, что только съ такимъ руководителемъ, какъ Ру-

днъ, только слѣдя его совѣтамъ, можно выйти на настоящій жизненный путь, къ настоящей жизни, гдѣ все—добро, правда, красота. Еще въ дѣтствѣ, «гуляя вечеромъ, она всегда старалась ити по направленію къ свѣтлому краю неба, тамъ, гдѣ заря горѣла, а не къ темному». И въ словахъ Рудина она увидала толькъ именно свѣтъ, къ которому всегда безсознательно тянулась; она прозрѣвала новую прекрасную жизнь человѣчества, полную интереса къ возвышеннымъ мыслямъ, полную вѣры, радостей, счастья. «Не какъ дѣвочка болтала Наталья съ Рудинымъ; она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась вникнуть въ ихъ значеніе; она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія; онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока одна голова у ней кипѣла, но молодая голова недолго кипѣть одна. Какія сладкія мгновенья переживала Наталья, когда, бывало, на скамейкѣ, въ легкой, сквозной тѣни ясения, Рудинъ начнетъ читать ей книги лучшихъ писателей, никогда не умирающія, всегда интересныя. Онъ объяснялъ ей непонятныя и темныя для нея мѣста книгъ, онъ «увлекалъ ее за собой въ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онъ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новые, свѣтлые мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо всыхивала и разгоралась святая искра восторга».

Золотыя мечты Натальи не исполнились: и Рудинъ оказался не тѣмъ рѣшительнымъ и смѣлымъ человѣкомъ, какимъ она представляла его себѣ, и перемѣна жизни не была такой легкой, какъ думала Наталья, слушая рѣчи нового знакомаго. Но порывъ, вызванный словами Рудина, пробудилъ въ ней то лучшее, то святое, къ чему позднѣе, въ самыя непріятныя минуты жизни, можетъ прибѣгать, какъ къ свѣтлому источнику, ея душа.

Такое пробужденіе души молодой дѣвушки, такое просвѣтленіе человѣка изображалъ Тургеневъ съ особенной радостью. Подъ влияніемъ чего происходило это пробужденіе, въ различныхъ случаяхъ было различно. Иногда причины душевнаго подъема были очень незначительны. Но въ душѣ молодой дѣвушки существовало уже тайное стремленіе къ болѣе возвышенной и благородной жизни, и ничтожная причина производила глубокое измѣненіе.

Познакомясь подробнѣе съ произведеніями Тургенева, вы узнаете у него такихъ дѣвушекъ, которыя полюбили совершенно недостойныхъ людей,—или слабыхъ, или только себя любящихъ. Но сами онъ отъ этого не стали хуже и недостойнѣе. Напротивъ, ихъ молодое увлеченіе, ихъ пылкая любовь только очевиднѣе показали ихъ прекрасную душу, ихъ благородное сердце Такова, напримѣръ. Ася, молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, дикая, пылкая, полюбившая человѣка, который ничѣмъ не отличался отъ окружающихъ и который исколѣко не могъ понять ея пылкихъ чувствъ и не могъ отвѣтить ея горячай любви. Такова Зинаида (въ повѣсти «Первая любовь»), любовь которой къ пожилому человѣку, сильному волей, но любящему только себя, доходила до того, что она съ удовольствіемъ выносила отъ него удары хлыстомъ по обнаженной руцѣ. И та, и другая,—и Ася, и Зинаида,—въ порывѣ увлеченія, въ минуты пробужденія лучшихъ сторонъ души, готовы были на какій угодно жертвы для того, кого онъ полюбили. Ни та, ни другая, ни вообще описанная Тургеневымъ молодая дѣвушки не находили никакого удовольствія въ жизни своеокрыстной и себя любивой. Жертвы, которыя Ася и Зинаида готовы были принести ради любимаго человѣка, другія дѣвушки привносили ради великаго дѣла, которое ихъ воодушевляло. Елена (въ «Наканунѣ») пожертвовала своимъ положеніемъ, своими удобствами, даже своей привязанностью къ роднымъ ради спасенія той Болгаріи, судьбу которой такъ близко принималъ къ сердцу ея мужъ, Инсаровъ. Маріанна («Новь») отдавала все,—и положеніе въ обществѣ, и свободу, и, можетъ быть, жизнь,—ради счастья русскаго народа.

Чѣмъ кончался этотъ порывъ молодости, какъ отвѣчали жизнь на стремленіе улучшить ее и придать ей болѣе благородный и болѣе праздничный видъ,—это мы сейчасъ увидимъ. Но какъ бы ни кончались стремленія, самый порывъ открывалъ Тургеневу и открывалъ его читателямъ наиболѣе драгоценныя свойства человѣка: способность сильно любить, сильно чувствовать, способность увлекаться великимъ и благороднымъ до забвенія собственныхъ выгодъ,—способность къ жертвамъ.

3.

Понятно, что когда съ этимъ своимъ даромъ различать въ человѣкѣ лучшія стороны души Тургеневъ взялся за изображеніе

крестьянства, онъ и въ немъ увидалъ свойства, не замѣченныя или мало замѣченныя прежними писателями.

Прочитайте «Записки охотника». Вы увидите, что не въ однѣхъ дворянскихъ дѣвушкахъ, не въ однѣхъ помѣщачьихъ усадьбахъ находилъ Тургеневъ возвышенныя натуры. Минуты пробужденія души, влеченія къ важному, значительному и красивому въ жизни, — развѣ мы не видимъ ихъ въ самыхъ бѣдныхъ условіяхъ, въ самой далекой отъ богатства обстановкѣ? Развѣ нетъ ихъ въ грязной обстановкѣ деревенского кабачка, описанного въ разсказѣ «Пѣвцы»? Развѣ мы не слышимъ ихъ въ пѣснѣ Якова, въ чувствахъ посѣтителей кабачка, слушающихъ пѣсни? Развѣ дѣти «Бѣжица луга», собравшіяся у костра, не заняты, по-своему, подѣтски, рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ человѣческаго существованія на землѣ и развѣ, при этомъ занятіи, не представляются намъ чище, свѣтлѣ и ярче ить вѣжныи, поэтическія души? Да и какъ много такихъ чистыхъ, такихъ свѣтлыхъ стремленій крестьянинъ къ пониманію жизни, къ оцѣнкѣ ея красоты, разбросано на страницахъ «Записокъ охотника». Припомните хотя бы Касьяна съ Красивой Мечи, — крестьянина-поэта, чутко понимающаго природу, носящаго въ душѣ иѣжность ко всему, что живетъ. Припомните Хоря и Калмыча, припомните другихъ, описанныхъ въ лучшія минуты ихъ существованія.

Припомните ихъ, и вы поймете, почему «Записки охотника» имѣли такое большое значеніе въ жизни русскаго общества, почему для самого Тургенева они послужили доказательствомъ, что онъ можетъ писать и что онъ долженъ писать.

Если бы тѣ люди, которыхъ описалъ Тургеневъ въ «Запискахъ охотника», принадлежали къ наиболѣе вліятельному тогда дворянскому сословію, то и въ такомъ случаѣ они привлекли бы къ себѣ общее вниманіе потому, что они взяты были въ минуты ихъ необыкновенно чуткаго отищенія къ жизни, къ природѣ, къ красотѣ и правдѣ. Но, изображенные какъ крестьяне, они имѣли и другое важное значеніе. Я уже говорилъ въ первомъ выпускѣ этихъ бесѣдъ, что именно особенно повліяло на читателей. Тургеневъ не хотѣлъ вызвать въ читателяхъ жалости къ крестьянину, изныдавшему подъ ягомъ крѣпостнаго права. Иль, вѣрно, не хотѣлъ говорить о необходимости такой жалости. Надо ли было жа-

льть мальчиковъ «Бѣжина луга?» Надо ли было чувствовать жалость къ Касьяну съ Красивой Мечи? Нѣтъ, сами по себѣ, они не возбуждали жалости; они привлекали къ себѣ своей прекрасной душой, своими чистыми мыслями.

Когда появился первый разсказъ изъ «Записокъ охотника», «Хорь и Калинычъ», его дѣйствіе на читателей было необыкновенно сильно. «Успѣхъ въ публикѣ этого небольшого рассказа,— говоритъ современникъ Тургенева,—былъ неожиданъ для автора». Почему же разсказъ имѣлъ такой успѣхъ? Въ годъ выхода этого разсказа тотъ же современникъ такъ объяснялъ причины успѣха его: «Неудивительно, что маленькая пьеска «Хорь и Калинычъ» имѣла такой успѣхъ,—въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто не заходилъ. Хорь съ его практическимъ смысломъ и практической натурой, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ «бабамъ» и сильной велюбовью къ чистотѣ и опрятности—типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ—еще болѣе свѣжий и полный типъ русскаго мужика: это—поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ своихъ героевъ, какъ умѣеть онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души!..»

Я нарочно привожу слова человѣка, писавшаго въ тотъ годъ, когда появились первые разсказы изъ «Записокъ охотника». Онъ указывалъ, что Тургеневъ заставлялъ читателей полюбить изображенныхъ имъ крестьянъ «отъ всей души». Читателей было много, потому что разсказы были красивы, потому что они были занимательны, потому что талантъ писателя и умѣніе изображать были необыкновенны. И читатель, полюбившій крестьянина въ изображенії Тургенева, не могъ оставаться равнодушенъ къ судьбѣ этого самаго крестьянина, когда встрѣчалъ его въ жизни? Могъ ли онъ хладнокровно слышать о власти помѣщика надъ Калинычемъ, надъ Яковомъ, надъ дѣтьми «Бѣжина луга?»

Не жалость, а уваженіе, серьезное отношеніе и любовь внушилъ Тургеневъ къ мужику. И крестьянина, какъ своихъ дворянскихъ дѣвушекъ, онъ бралъ по большей части въ лучшія минуты жизни, и въ немъ видѣлъ онъ самыя чистыя стороны души, о

нихъ онъ рассказывалъ читателямъ то лучшее, что самъ въ нихъ открылъ.

Вы понимаете, какое значеніе должны были имѣть такие разсказы. Читатель прежде всего наслаждался ими какъ литературнымъ произведеніемъ. За этимъ слѣдовало размышленіе надъ судьбой крестьянства. Какъ бы ни были беззаботны нѣкоторые читатели, но, встрѣчаясь съ крестьяниномъ послѣ прочтенія разсказовъ Тургенева, они невольно должны были спрашивать себя: а не Калинычъ ли это, не Касьянъ ли съ Красивой Мечи, не Яковъ ли, не поэты ли, не артисты ли передо мной,—поэты и артисты, нисколько не меныше и не худшіе, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы относимся съуваженіемъ, когда читаемъ ихъ книги или слушаемъ ихъ въ театрѣ?

Пускай крестьянинъ былъ не всегда таковъ, какимъ его представилъ Тургеневъ, пускай онъ предавался пьянству, пускай былъ невѣжественъ, пускай въ немъ часто видѣлось тупое непониманіе. Но пьянымъ и невѣжественнымъ его знали и видѣли всѣ; нѣжно чувствующимъ, поэтически настроеннымъ, сильнымъ душою его изобразилъ впервые Тургеневъ.

И Тургеневу повѣрили, потому что велика была убѣдительность его художественныхъ разсказовъ. А вслѣдъ за тѣмъ, какъ повѣрили, полюбили этого крестьянина даже равнодушные, даже наименѣе чувствующіе. Мы уже говорили, какъ велика была заслуга Тургенева въ уничтоженіи крѣпостного права. Но не менѣе велика его другая заслуга.

Если когданибудь вы подробно познакомитесь съ тѣмъ, что дѣлала русская интеллигентія, или русскіе образованные люди во второй половинѣ XIX вѣка и въ началѣ XX для крестьянства, — вы будете, конечно, поражены силой чувства, проявленного интеллигентіей. Вы узнаете, что наиболѣе обеспеченные, наиболѣе даворитые молодые люди и девицы бросали богатство, оставляли родительскіе дома, разставались съ людьми, которыхъ любили, шли работать въ деревни, на фабрики, преступались за это, сажались въ тюрьмы, ссылались на каторгу, въ нѣкоторыхъ случаихъ даже лишались жизни. И все изъ-за любви къ крестьянству, къ простому народу, изъ-за желанія помочь ему и сдѣлать его жизнь обеспеченнѣе и лучше. Было много жертвъ, но передъ по-

двигами и самопожертвованиями не останавливались тѣ, которые искренне любили.

Однимъ изъ первыхъ, возбудившихъ эту любовь, былъ Тургеневъ. Его надо поставить во главѣ интеллигентскаго движенія въ пользу народа. Конечно, и до него, и одновременно съ нимъ шло въ небольшихъ кружкахъ обсужденіе судебъ крестьянства; конечно, члены этихъ кружковъ горячо любили народъ. Но все это ограничивалось небольшими кружками, все это исходило изъ разсужденій, а не изъ наблюденія и изображенія крестьянской жизни. Тургеневъ перенесъ эту любовь къ народу, эту заботливость объ его судьбѣ изъ небольшихъ кружковъ въ широкіе ряды читателей. Онъ разширилъ интересъ къ крестьянству,—и разъ, пробужденный, интересъ не заснулъ. Началось движеніе, появились попытки улучшить жизнь деревни, думали о полной перемѣнѣ строя, мечтали, действовали, согласно мечтамъ, жертвовали собой, погибали.

Значеніе Тургенева во всемъ этомъ движеніи велико; не только то, что онъ написалъ о крестьянствѣ, вліяло на читателей, но и все то очарованіе, которымъ онъ окружилъ лицъ, стремящихся къ жизни несебялюбивой и несвоекорыстной. Мы видѣли, съ какой любовью онъ изображаетъ молодыхъ девушекъ въ минуты высокаго подъема души. Заманчиво было ихъ душевное состояніе, привлекательны были они. Читателямъ и читательницамъ передавались тѣ желанія великаго дѣла, которыми горѣли изображаемыя Тургеневымъ лица. И подъ вліяніемъ этого чувства пламенѣли желаніемъ работы для другихъ, желаніемъ пожертвовать собой ради великаго дѣла души читателей и читательницъ. А какое дѣло, казалось имъ, могло быть больше и выше, чѣмъ дѣло освобожденія народа, улучшеніе его участія, введеніе равенства, братства и другихъ общественныхъ благъ.

Произведенія Тургенева побуждали къ работѣ на пользу народа. На томъ трудномъ, тяжеломъ и скорбномъ пути, которымъ шла интеллигенція, мечтавшая объ освобожденіи трудящихся и о мире всего міра, онъ былъ однимъ изъ первыхъ вожаковъ. И если русский народъ одѣнить тяжелый крестный путь нашей интеллигентціи на пользу народа, то особымъ уваженіемъ, особой любовью, особой вѣчной памятью долженъ онъ почтить имя Тургенева.

4.

Мы добавимъ немногое къ тому, что сказано.

Вы помните Татьяну, вы помните другихъ молодыхъ дѣвушекъ, описанныхъ Пушкинымъ въ различныхъ повѣстихъ. Замѣчаете ли вы, какъ разнятся ихъ желанія и мысли отъ того, что думали и чего желали дѣвушки, описаныя Тургеневымъ. Тогда у Пушкина описывалось что-то устойчивое, неизмѣнное. Какъ-будто и мысль не являлась, что можно что-то измѣнить, какъ-будто и не приходило въ голову, что надо менять.

У Тургенева—другое. Правда, еще твердо и несокрушимо стояли дворянскія усадьбы; жизнь въ нихъ текла по-прежнему, тихая, ровная; но въ молодыхъ уже просыпались новые желанія, хотѣлось перемѣнъ, рисовалось что-то другое, далеко отъ этихъ усадебъ, что-то великое и важное.

Помните ли вы то недовольство, которое преслѣдовало Евгения Онѣгина. Онъ не былъ удовлетворенъ окружавшимъ его обществомъ; онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто: изъ Петербурга въ деревню, изъ деревни за-границу, потомъ опять въ Петербургъ. Какихъ-нибудь ясныхъ причинъ его тоска не имѣла; какого-нибудь рѣзкаго отличія между нимъ и окружающими его людьми не замѣчалось. Теперь—другіе люди. Рудинъ уже знаетъ многое, чего не зналъ Онѣгинъ. Онъ много учился, не «чemu-нибудь и какъ-нибудь», какъ Онѣгинъ, а основательно, много и долго. Онъ отличается отъ другихъ людей и знаніями, и талантами, и цѣлями. Въ Онѣгина могла влюбиться мечтательная деревенская дѣвушка Татьяна, не зная даже хорошенъко, кто онъ и что у него въ душѣ. У Рудина другое дѣло. Онъ увлекаетъ не собою, а своими словами, своими мыслями, тѣмъ хорошимъ, что онъ разсказываетъ и къ чemu призываетъ. Вы видите, какая большая разница.

И однако есть сходство. Какъ Онѣгинъ не могъ найти себѣ мѣсто въ жизни, такъ не можетъ найти его Рудинъ. Если вы читали «Рудина», вы помните, что онъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, вездѣ увлекаетъ своими рѣчами; никто не можетъ не признать, что въ немъ большой талантъ, что онъ говорить увлекательно, что онъ зоветъ къ хорошему; и однако онъ остается одинъ, опять переѣзжаетъ, опять увлекаетъ, и опять одинъ, всѣми брошенный, ничего для себя не нашедшій.

У Тургенева много такихъ людей описано. Всѣхъ ихъ принято называть «лишними людьми».

Что такое «лишний человѣкъ»? Обыкновенно въ жизни мы называемъ лишнимъ то, что для насъ бесполезно, ненужно. Но можно ли сказать, что бесполезенъ и ненуженъ Рудинъ? А если онъ не нуженъ, то почему? Мы знаемъ, что у Рудина много знаний. Въ томъ обществѣ, которое описываетъ Тургеневъ, знаний очень мало. Казалось бы, что по этому одному Рудинъ необходимъ обществу, что онъ не можетъ быть бесполезнымъ и лишнимъ. Онъ, кромѣ того, по собственному признанію, «желаетъ добра». Свои силы, всѣ пріобрѣтенные имъ знанія онъ готовъ отдать другимъ для увеличенія ихъ счастья, ради ихъ добра. И онъ умѣеть отдавать свои знанія такъ, что хотя бы временно люди чувствуютъ себя счастливѣе. Вспомните, какъ его слушаетъ Наталья, съ какимъ восторгомъ внимаетъ его рѣчамъ Басистовъ. Когда Рудинъ поступаетъ учителемъ въ гимназію, его слова слушаютъ ученики съ застаннымъ дыханіемъ. Когда онъ хочетъ взяться за дѣло, онъ увлекаетъ даже тупого, себялюбиваго и упрямаго человѣка. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ руководится не личнымъ интересомъ, не выгодой для себя, а любовью къ людямъ, желаніемъ добра и пользы для нихъ. Можно ли такого человѣка назвать бесполезнымъ и непрѣдѣльнымъ? Въ чёмъ же дѣло? Почему Рудинъ считаетъ себя лишнимъ, почему ему ничего не удается? Почему люди, которыхъ онъ просвѣщаетъ, послѣ некотораго колебанія все-таки устраиваются, находятъ себѣ мѣсто въ жизни, а онъ, — значительно выше, талантливѣе и ученѣе ихъ, — скитаются по свѣту и мѣста не находятъ!

Надо помнить, въ какое время жилъ Рудинъ. Надо обратить вниманіе на другихъ людей, которыхъ описывалъ Тургеневъ, на всю обстановку. Дворянскія усадьбы, казалось, стояли твердо. Старая жизнь, повидимому, продолжалась. Но что-то въ ней уже дрогнуло; чувствовалась какая-то тревога. Не могли уже молодыя девушки оставаться тѣми Татьянами и Ольгами, которые описаны Пушкинымъ; намѣчалась какая-то перемѣна, хотя и очень неопредѣленная.

Рудинъ и ему подобные отличались отъ обитателей дворянскихъ усадебъ. Они много знали того, что было недоступно

этимъ простымъ людямъ. Рудинъ былъ знакомъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Европѣ, чѣмъ были заняты самые сильные европейскіе умы. Исторія Европы ему была хорошо известна. Передъ нимъ были мечты о лучшемъ устройствѣ общества. Все это онъ зналъ, и, конечно, мысли его далеко уходили отъ того, что онъ видѣлъ въ Россіи. И когда ему приходилось говорить среди этихъ людей, онъ, съ его талантомъ, съ его умомъ и его знаніями, конечно, увлекалъ ихъ. Но послѣ словъ должно наступить дѣло. Къ какому дѣлу могъ призывать Рудинъ? Какое дѣло могъ онъ выбрать для себя? Самое большее и насущное дѣло, которое тогда вставало передъ людьми такого склада, какъ Рудинъ, было дѣло уничтоженія крѣпостного права. Въ сравненіи съ нимъ все казалось мелко. Какое великое дѣло могъ предложить Наталья Рудинъ, когда и для себя онъ не находилъ дѣла, соответствовавшаго его большимъ силамъ? И онъ бросался изъ стороны въ сторону, не находилъ мѣста, чувствовалъ себя лишнимъ.

Позднѣе люди его склада нашли дѣло. Они «пошли въ народъ». Ихъ дѣломъ явилось счастье народа, котораго, казалось имъ, можно было достичнуть, слившись съ крестьянами и показавъ имъ, какъ можно создать справедливыя общественные отношенія. Но и среди этихъ отправившихся въ деревню и пожертвовавшихъ всѣмъ молодыхъ людей были такие, которые, подобно Рудину, чувствовали себя лишними. Таковъ, напримѣръ, описанный въ «Нови» Неждановъ. Онъ былъ лишнимъ потому, что не вѣрилъ въ возможность добиться справедливости и всеобщаго счастья, призываю народъ къ восстанію. Совѣсть говорила ему, однако, что ничего не дѣлать для возвращенія справедливости нельзя, что надо бороться; онъ видѣлъ, какъ другіе вѣрили и боролись и среди этихъ вѣрующихъ и боровшихся онъ былъ лишнимъ.

Таковы были лишніе люди Тургенева. Такихъ съ его временемъ принято называть лишними. Это—люди, имѣющіе цѣль, которой они достигнуть не могутъ,—люди, сознающіе сами, что цѣль недостижима, но отказаться отъ нея они не имѣютъ силъ. У тургеневскихъ героевъ эта цѣль благородная, — они желаютъ добра для другихъ. Не можетъ Рудинъ достигнуть этой цѣли; сознаетъ Неждановъ, что сколько бы онъ ни старался, цѣль остается такъ же далека, какъ была прежде. Но безъ этой цѣли они жить не

могутъ,—и Рудинъ мечется всю жизнь отъ одного дѣла къ другому, Неждановъ кончаетъ самоубійствомъ.

И въ такихъ лишнихъ людяхъ, какъ Рудинъ, какъ Неждановъ, и въ такихъ молодыхъ дѣвицахъ, какъ Елена или Наталья, Тургеневъ показалъ самыя свѣтлныя стороны человѣческаго существа. Нѣть заботъ о себѣ, о своей выгодѣ, — только стремленіе къ чему-то высшему, къ какой-то благородной цѣли, которая должна принести счастье и радость другимъ. Много читателей, много читательницъ задумывались и мечтали надъ произведеніями Тургенева; многіе изъ нихъ, подъ его вліяніемъ, отдавались лучшимъ сторонамъ своей души, ихъ воспитывали въ себѣ, ихъ укрѣпляли.

Для очищенія души русскаго человѣка много сдѣлала литература, а въ этой очищающей и облагораживающей литературѣ оно бѣнио большое мѣсто принадлежить Тургеневу.

14/V/29.

„АЛЧДАС“ ОВТОРУГАЦІОННІ ЄСНАНЦІЗПОНОН

Із земельно-селянської діяльності в АЛЧДАС
— відповідь Товариства селянських підприємців

від 23 липня 1929 року № 1125

Із земельно-селянської діяльності в АЛЧДАС
— відповідь Товариства селянських підприємців

КООПЕРАТИВНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

==== Т-во „ЗАДРУГА“. =====

МОСКВА, Воздвиженка, Крестовоздвиженский, 9.

ПЕТРОГРАДЪ, Генчарная, 24.

ХАРЬКОВЪ, Горянівський пер., 11. „Харьковское Коопера-
тивное Т-во Издательского Дела“.

А. М. Федоров, А. С. Савченко, А. С. Борисов
— відповідь Товариства селянських підприємців

— відповідь Товариства селянських підприємців

— відповідь Товариства селянських підприємців

Кооперативное Книгоиздательство „ЗАДРУГА“,

МОСКВА, Вознесенка, Крестовоздвиженский пер., 9.

ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная, 24.

ХАРЬКОВЪ, Горяниновский пер., 11, Харьк. Коопер. Т-во издат. дѣла.

Ропшинъ, В. Во Франції во время войны. Ч. I. изд. 2-е. Ц. 4 р. 50 к.
Ч. II. Ц. 4 р. 50 к.

Его же. То, чего не было (Романъ). Изд. 3-е. Ц. 8 р.

Савинкова, С. Въ годы старого режима. Ц. 9 р.

Кропоткинъ, П. А. Письма о текущихъ событияхъ. Ц. 2 р. 10 к.

Ропшинъ, Е. и Степунъ, Ф. Изъ писемъ царя-артиллериста—Письма изъ действующей арміи. Ц. 6 р. 50 к.

Морозовъ, Н. А. Повѣсти моей жизни. Т. I. Содержаніе: По волнамъ увлечения. Свободные горы. Ц. 10 р.

Его же. Повѣсти моей жизни. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 10 р. Т. IV. Ц. 10 р.
Т. III. Ц. 10 р.

Осогоринъ, М. А. Призраки (Три повѣсти). Ц. 5 р.

Его же. Очерки современной Италии. Ц. 4 р.

Его же. Сказки и несказки. Съ рис. Ц. 6 р. 50 к.

Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлого. Ч. II. Ц. 10 р.

Мороленко, В. Г. Сонъ Макара. Ц. 60 к.

Убиецъ. Ц. 1 р.

Повѣсти и разсказы. Т. I, ч. 1-я. Ц. 4 р.

Т. I, ч. 2-я. Ц. 4 р.

Анисимовъ, С. С. На пути къ смерти Ц. 5 р.

Бѣлоконский, И. П. Дасть времени (Воспоминанія). Ц. 15 р.

Погорѣловъ, А. Повѣсти и разсказы. Т. I. Ц. 4 р.

Верхуостинскій, Б. Рассказы. Ц. 2 р.

Булгаковъ, В. Ф. Л. Н. Толстой въ послѣдній годъ его жизни. Изд. 2-е.
Ц. 12 р.

Кереленкій, А. Ф. Дѣло Корнилова (Полный текстъ записокъ). Ц. 7 р.

Мельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ). Насыпки жизни. Ц. 7 р.

Водовозова, Е. Н. Грэзы и дѣствительность. Ц. 8 р.

Л. Н. Толстой. Первая книга для чтенія. Подъ наблюденіемъ проф. П. И. Сакулина. Изд. 2-е. Ц. 90 к.

Его же. Азбука. Подъ наблюденіемъ проф. П. И. Сакулина. Изд. 2-е.
Ц. 1 р. 20 к.

„Еесна“. Первая книга для чтенія послѣ буквваря. Сост. А. П. Губская,
П. Мельгунова и Т. А. Окуличъ. Съ рисунками. Ч. I. Изд. 2-е. Ц. 2 р
То же. Ч. II. Ц. 4 р. 50 к.

Пропись. Пособіе при обученіи прямому письму. Изд. 2-е. Составила Е. В. Орлова. Подъ ред. д-ра гигиен. В. Е. Игнатьева. Ц. 1 р.

Сонниковъ, Б. М. Упрощеніе правописанія (По поводу новой орфографіи).
Ц. 75 к.

Новый Путь. Арифметический задачникъ для начальныхъ училищъ. Изд. 2-е.
Ц. 1 р. 50 к.

Волковскій, Д. Л. Числа первого десятка для дѣтей дошкольного возраста.
Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Марковская, О. Природа. Руководство для учениковъ городскихъ и сель-
скихъ школъ. З выпускъ: Земля, Воздухъ, Вода. Печатается
ся 3-е изд.

Цѣна 1 рубль.

BIBLIOTEKA TURGENEVA

39735